

Иркутскія письма.

Иркутскъ, 28 августа 1890 г.

«Какой бы усталый челнокъ ни представила изъ себя газета, во всякомъ случаѣ, этотъ челнокъ везетъ на себѣ *боговъ будущаго**) И такъ какъ спросъ на боговъ будущаго въ наше время не особенно великъ, то челнокъ обыкновенно не спѣшитъ, и медленно, безъ шума, подвигается самъ впередъ противъ теченія. Но случается, что боги на челнокѣ заснутъ, а лодочникъ подмышкѣтъ, тогда... тогда обычная тишина на челнокѣ сдѣлается необычайнымъ шумомъ и съ этого челнока, везущаго *боговъ будущаго* можно услышать возгласъ въ родѣ слѣдующаго: «Нужно быть *настоящей свиньей*, чтобы, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири, писать о вѣчно свромѣ небѣ. Представленіе о стромѣ набѣ могло появиться только у человека, иногда не видѣвшаго ничего, кромѣ пьянаго угара кабаковъ и трактировъ**»).

Возгласъ этотъ направленъ по адресу «Сибирскаго Вѣстника». Сей фонтанъ негодования откупорился въ «Восточномъ Обзорѣннѣ» изъ-за сибирскихъ женщинъ... Въ VII «Писемъ изъ Сибири» Чеховъ, между прочимъ, говоритъ: «Женщина въ Сибири такъ-же скучна, какъ *сибирская природа*: она не колоритна, холодна, не умѣетъ одѣваться, не поетъ, не свѣтуетъ, не миловидна... Когда въ Сибири нарождаются свои собственные романисты и поэты, то въ ихъ романахъ и поэмахъ женщина не будетъ героиней; она не будетъ вдохновлять, возбуждать въ высокой дѣятельности, спасать, идти на край свѣта...»

Передавъ эти слова Чехова, «Вост. Об.» устами нѣкаго г. N присовокупляетъ:

«Газета г. Картамышена не только вполне соглашается съ такой характеристикою сибирской женщины, но даже подыскала причину отсутствія въ ней колорита. Всею виною оказывается *стромъ небо Сибири*».

Это-то послѣднее обстоятельство и побудило г. N весь свой гнѣвъ излить на голову несчастнаго «Сибирскаго Вѣстника».

Для насъ, постороннихъ читателей, «Сибирскій Вѣстникъ» здѣсь, во всякомъ случаѣ, не болѣе виноватъ, чѣмъ и г. Чеховъ: ибо, въ нашихъ глазахъ, «сибирская природа» и «сибирское небо» — совершенно тождественныя между собой понятія. Вместо «умилан сибирская природа», сказать: «*свое сибирское небо*», — это значить дурно употребить известную риторическую фигуру, именующуюся въ теоріи словесности *paris pro tota*.

О явленіи «природы» (или «неба») въ

характеръ (или «колоритъ») населенія говорить нечего: объ этомъ достаточно было говорить и въ литературѣ, и въ наукѣ, начиная съ Бюля и кончая г. Z, который въ томъ-же словѣ № «Вост. Обзорѣннѣ», на стр. 12, говоритъ: «Тамъ гдѣ хороша природа, тамъ и люди лучше: не такъ жестоки, какъ въ другихъ мѣстахъ, съ другимъ характеромъ...» и т. д.

Чего-же касается «Вост. Обзорѣннѣ»? Мы никакъ не хотимъ ее почитать... Можемъ быть, оно думаетъ, что сибирская природа, т. е. природа той части Сибири, по которой протекаетъ сибирскій трактъ (о ней-то и идетъ рѣчь), — ничѣмъ не хуже Малороссіи, а то даже Франціи или Итали? Но, пріятно, оно это думаетъ. То, что «природа» Сибири не особенно «старомодна», это видно изъ того, что люди въ ней такъ жестоки; а то что люди въ Сибири такъ жестоки, это видно изъ свойства племеннческихъ различій и т. д. «Вост. Обзорѣннѣ».

Это ясно. Для большей убѣдительности, мы, дѣлая пріему «Вост. Обзорѣннѣ», могли бы сказать: «Это ясно! И только idiotъ можетъ съ нами не соглашаться...» Но мы этого не скажемъ. Мы не только не считаемъ г. N idiotомъ, но мы даже готовы похвалить ея на слова и допустить, что въ своемъ «утрачѣ челнока» онъ везетъ *абсолютъ будущаго*. Только... только намъ кажется, что ересь этихъ *боговъ будущаго* затесалось нѣсколько штукъ и *боговъ прошедшаго*, и даже, — давно прошедшаго...

Эти-то послѣдніе *боговъ* и портятъ всю обаянію. Они давно состарѣлись, надѣли изъ устъ и своей глупой вопиющей постоиной сбиваютъ съ толку и ищмаютъ установленію правнаго, спокойнаго, безпристрастнаго взгляда на *Сибирь* и на *все сибирское*... Ихъ, этихъ *боговъ*, давно бы дора высадить изъ «челнока» на берегъ и отслать въ быгодѣлію...

Однако, оставивъ *боговъ* и возвратившись къ женщинамъ.

Что-же можно сказать о сибирскихъ женщинахъ?

Прежде всего, нужно сказать, что Сибирь велика, а женщины «малы». Такъ какъ Сибирь велика, то всю сразу ее не охватишь и приходится ограничиться известными районами. Мы будемъ держаться въ предѣлахъ намъ известнаго, въ предѣлахъ Иркутской губерніи и Забайкальи. Тамъ какъ «свищны коварны», то безусловно годному и вѣрному опредѣленію онъ не поддается и приходится, вместо *дѣлать и делать характеристика*, ограничиться лишь тѣмъ, что бросается въ глаза поверхностному наблюдателю.

Это такъ болѣе необходимо, что науче-

* Сл. «Восточн. Обзор.» № 13, 1890 года.

** Сл. «Вост. Обзор.» № 84, въ 1890 г., стр. 10.

ние женщины, нужно сознаться, никогда не составляло предмета нашей специальности.

Начнем съ болѣе легкаго, болѣе доступнаго, — со мнѣнности... Да, пожалуй, этикъ можно будетъ на первый разъ и ограничаться... Но тутъ намъ дѣлается нѣсколько болячо... болячо выступить съ собственными личными мнѣнiемъ, и мы предпочитаемъ нѣмѣсто себя (какъ это часто практикуется людьми благоразумными и осторожными) выдвинуть впередъ своего прiятеля.

Съ этимъ прiятелемъ намъ какъ-то пришлось гулять по Большой улицѣ г. Иркутска. На встрѣчу намъ, по другую сторону улицы, шла пара длинная вереница воспитанницъ одного мѣстнаго учебнаго заведения. Когда мы поровнялись, нашъ прiятель приостановился и сталъ внимательно вглядываться въ каждую проходящую пару. Ковчивъ осмотръ, онъ отвернулся, вздохнулъ и промолвилъ:

— Бѣдная сибирская природа, бѣдная Сибирь! Ничего-то въ ней не родится, крошкѣ... крошкѣ картошки...

Мы молчали.

Да и что было намъ возразить? На обширномъ пространствѣ жили сибирской, отъ Енисея до Амура, по городамъ и веснямъ сибирскимъ, намъ часто приходилось видѣть сибирскихъ женщинъ епъ тамъ: мы видѣли ихъ въ школахъ, больницахъ, пансионахъ, гимназияхъ, прiютахъ, въ хоровахъ, собранiяхъ, театрахъ; на полевыхъ работахъ и на публичныхъ и народныхъ гуляньяхъ. Глядя на цѣлую массу сразу, можно, конечно, получить впечатлѣнiе (если не понятiе) средняго типа. И вотъ послѣ длиннаго ряда этихъ впечатлѣнiй мы пришли къ одному выводу: говоря о сибирскихъ женщинахъ, распространяться о красотѣ, изысканствѣ, стройности, грациозности и о всемъ такомъ прочемъ, будетъ неискренне...

Можно-ли, въ дѣдичи слухавъ, всю вину вылить на одну «природу», или здѣсь дѣйствуютъ и другiя причины, — это уже другой вопросъ.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что здѣсь дѣйствуетъ не одна природа. Красота средняго типа есть, между прочимъ, также в следствiе продолжительнаго истощающаго естественнаго подбора. Тамъ, гдѣ этотъ естественный процессъ встрѣтилъ неблагоприятныя условия для своего движения, тамъ выработаться красивый типъ не можетъ. А именно эти неблагоприятныя условия и были, какъ мы думаемъ, въ Сибири. Первоначальное заселенiе Сибири производилось прѣвъ полнокъ почти отсутствiемъ женщинъ: казаки, волжане, бѣглецы «колони», — все это были частокровные бобыли, которые, обосновавшись

въ Сибири, должны были волей неволей ограничить свои стремленiя по части «подбора» до минимума (ужъ по той простой причинѣ, что выбирать было не изъ чего). Имъ пришлось слиться съ нисней расой аборигеновъ Сибири и результатомъ таково слиянiя было вырожденiе первоначально чистаго скандинавскаго типа. Въ такихъ-же почти условiяхъ, впоследствии, находились десятки и сотни тысячъ ссылаемыхъ сюда поселенцевъ и масса мелкаго чиновнаго, промышленнаго и присвѣтельскаго люда, которые шли въ Сибирь не съ цѣлью устройства семейнаго очага, а съ цѣлью личной матеріальной шаживы и, когда потомъ все-таки начинали этотъ очагъ устраивать, то имъ пришлось устроить его безъ роскоши вакаго бы то ни было подбора.

Итакъ, современный сибирскiй типъ выработывался долгимъ историческимъ процессомъ безъ «подбора» и безъ разбора... А потому и вышелъ этотъ типъ неказистымъ... Въ результатъ: нѣтъ почти красивыхъ женщинъ въ Сибири.

Печальный, и даже очень печальный результатъ...

Красивая женщина, по нашему мнѣнiю, есть первоначальный источникъ общественной добродѣтели. Возбуждая къ себѣ любовь, она поднимаетъ человека отъ личнаго эгоизма на первую ступень альтруизма. Есть гиганты, которые, двигаясь крупными шагами, могутъ миновать эту ступень и сразу подняться на высшую, но большинству смертныхъ нужно стать на эту ступень, чтобы затѣмъ взойти на слѣдующую.

Красивая женщина — это прочнѣйшiй оплотъ семейнаго очага и лучшая охрана семейной нравственности...

Красивая женщина есть существеннѣйшiй признакъ здоровой жизни нации.

Но въ современной Сибири почти нѣтъ красивыхъ женщинъ. Типъ «величавой славянки» здѣсь выродился и обезобразился мѣстными примѣсями.

Таково общее правило. Но, — какъ обыкновенно бываетъ, — нѣтъ правила безъ исключенiя. На томъ пространствѣ Сибири, о которомъ мы ведемъ рѣчь, такимъ счастливымъ исключенiемъ являются селенiя, такъ называемыхъ «семейскихъ».

Въ Забайкальѣ, по р.р. Курбѣ, Бринѣ, Онону и Чикюю, въ разныхъ мѣстахъ разбросаны эти селенiя семейскихъ. Населенiе этихъ селенiй резко бросается въ глаза заѣзжему наблюдателю и, среди окружающихъ ихъ казаковъ, крестьянъ, бурятъ и ясачныхъ, выдѣляется своимъ здоровьемъ, красотой, свѣжестью и совершенно сохранившимися, чистымъ славянскимъ типомъ.

Невозможно вылететь вопросъ: какъ поименовалось здѣсь это населенiе и какими силами

сохранилось оно среди кругомъ идущаго вырожденія?

Одна изъ причинъ этого отроднаго явленія указывается въ самомъ названіи селеній «*семейскими*». Это названіе произошло отъ того, что первоначально заселившіе ихъ были переселены сюда изъ Европейской Россіи (при Екатеринѣ) и водворены здѣсь *цѣлыми семьями*. Такимъ образомъ, первоначальное населеніе прибыло сюда уже съ законченными «*подборами*», совершенными на родинѣ, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Это только одна изъ причинъ, но она не единственная и есть вѣроятно цѣлый рядъ другихъ:

Точное и всестороннее изученіе всѣхъ причинъ этого любопытнаго явленія составляетъ (или, вѣрнѣе сказать, должно бы составить) предметъ достойный наибольшаго вниманія мѣстныхъ ученыхъ изслѣдователей.

Такъ думаемъ мы; нашъ-же иркутскій отдѣлъ географическаго общества смотритъ нѣсколько иначе. Въ началѣ лѣтняго сезона этого года отдѣлъ командировалъ въ Забайкалье для «научныхъ» изслѣдованій нѣкоего Клеменца; но объектомъ для этихъ изслѣдованій предложены были забайкальскіе буряты: ихъ бытъ, религія, обычаи, пошья и проч.

Г. Клеменць изъ командировки еще не возвратился; съ чѣмъ онъ возвратится, еще неизвѣстно. Но не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что въ результатѣ получится нѣсколько аляповатыхъ деревянныхъ бурхановъ монголо-тибетскаго издѣлія, коллекція бурятскихъ талатовъ (сомнительной чистоты), тетрадки бурятскихъ сказокъ безъ смысла и безъ фантазіи; длинный списокъ подраздѣленій бурятскихъ родовъ, сводъ неважныхъ и никому ненужныхъ бурятскихъ обычаевъ и, вообще, все то, что получается въ результатѣ всѣхъ подобныхъ «*ученыхъ изслѣдованій*»...

А, между тѣмъ, въ томъ-же Забайкальѣ можно было бы поискать и найти кой какія данныя для разрѣшенія *важнѣйшаго изъ сибирскихъ вопросовъ*, — вопроса объ условіяхъ здороваго существованія русской націи въ предѣлахъ Сибири...

Диганна.

(М. Н. Васильевъ?)

1/2
Ваши
11/12/19